

А. Б. Пермиловская <https://orcid.org/0000-0002-3221-7197>

А. А. Усов <https://orcid.org/0000-0002-0466-0124>

Роль традиционного жилища в процессе формирования историко-культурного ландшафта Онежского Поморья

Исследование выполнено в рамках государственного задания по научной теме «Комплексное исследование формирования и трансформации историко-культурного наследия в этносоциальной динамике Европейского Севера и Арктики», № гос. регистрации – АААА-А18-118012390220-3

Для цитирования: Пермиловская А. Б., Усов А. А. Роль традиционного жилища в процессе формирования историко-культурного ландшафта Онежского Поморья // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3 (114). С. 209-214. DOI 10.20323/1813-145X-2020-3-114-209-214

В статье проведено изучение традиционного крестьянского жилища как фактора формирования историко-культурного ландшафта Русского Севера и Арктики. Северный крестьянин находился в сложной взаимосвязи с окружающим ландшафтом: обживая его, он формировал природно-культурную среду, которая, в свою очередь, влияла на его поведение и мировосприятие. В культурном пространстве Севера XIX – нач. XX в. сформировался высокий статус крестьянского дома. Конструктивные особенности дома, тип крестьянской усадьбы и поселения в целом демонстрируют в предметно-пространственном воплощении особый образ жизни русского человека в суровых условиях прибрежно-морского и лесного природного комплекса. Данная работа основывается на материале предшествующих полевых исследований и полученном в ходе двух последних экспедиций в Онежское Поморье, Архангельская область (2018-2019 гг.). Кроме эмпирических данных, авторский коллектив использует результаты анализа архивных и музейных источников (Государственный музей архитектуры им. А. В. Щусева, Архангельской государственной музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корель», Онежский историко-мемориальный музей). Исследование опирается на применение авторской методики д-ра культурологии А. Б. Пермиловской по архитектурно-этнографическому обследованию объектов деревянного зодчества. В результате проведенной работы получены новые данные об архитектурно-планировочном устройстве поморского дома. Установлено, что культурный ландшафт Русского Севера – это, прежде всего ландшафт сельских исторических поселений. Дом был одним из способов освоения природной среды, ее преобразования в среду обитания. Благодаря его адаптивным возможностям, отраженным в архитектурно-конструктивном и планировочном устройстве, стало возможным выживание и комфортное существование человека на Севере и в Арктике.

Ключевые слова: Русский Север, Арктика, Онежское Поморье, традиционная культура, историко-культурный ландшафт, историческое поселение, народная архитектура, жилище.

A. B. Permilovskaya, A. A. Usov

The role of the traditional dwelling in the historical and cultural landscape formation of Onezhskoye Pomorye

The article researches the traditional peasant dwelling as a factor in the formation of the historical and cultural landscape of the Russian North and the Arctic. The northern peasant was in a complex relationship with the surrounding landscape: living it, he formed a natural and cultural environment, which, in turn, influenced his behavior and worldview. In the cultural space of the North of the XIX – early XX century a high status of the peasant house was formed. The structural features of the house, the type of peasant manor and the settlement as a whole demonstrate, in the subject-spatial embodiment, the special way of life of a Russian person in the conditions of the coastal-marine and forest natural complex. This paper is based both on material from previous field studies, and obtained during the last two expeditions to Onezhskoye Pomorye, the Arkhangelsk Region (2018-2019). In addition to empirical data, authors use the results of archival and museum sources analysis (The Onega Historical and Memorial Museum, the State Museum of Architecture named after A. V. Shchusev, the Arkhangelsk State Museum of Wooden Architecture and Folk Art «Malye Korely»). The research relies on the application of the author's method of Doctor of Cultural Studies A. B. Permilovskaya on the architectural and ethnographic examination of wooden architecture objects. As a result of the research, new data were obtained on the architectural and planning arrangement of the Pomorye house. It was estab-

lished the cultural landscape of the Russian North is, first of all, the landscape of rural historical settlements. The house was one of the ways to develop the natural environment, its transformation into a habitat. Thanks to its adaptive capabilities, reflected in the architectural, structural and planning device, it became possible for the survival and comfortable existence of man in the North and in the Arctic.

Keywords: Russian North, the Arctic, Onezhskoye Pomorye, traditional culture, historical and cultural landscape, historical settlement, traditional architecture, dwelling.

Русский Север – это особый регион российской культуры, по своей значимости соотносимый с уникальными явлениями мировой культуры. Условия исторического развития северных территорий привели к своеобразной консервации реликтового крестьянского ландшафта, который в настоящее время является объектом изучения, сохранения и использования (освоения) [Злотникова, 2019; Пермиловская, 2010]. Арктическое побережье, с древних времен заселенное русскими поморами и коренными малочисленными народами Севера, входит в состав Русского Севера. Исследуемая в данной работе часть Русского Севера – это Онежское Поморье, которое располагается на побережье и островах Белого моря. Белое море образует 4 больших залива (губы): Кандалакшскую, Мезенскую, Двинскую, Онежскую – и множество мелких губ. Его побережье состоит из 7 районов (берегов): Терского, Кандалакшского, Карельского, Поморского, Онежского, Летнего, Зимнего [Бернштам, 1978]. Онежское Поморье относится к Поморскому и Онежскому берегам Белого моря, образующим Онежскую губу. В настоящее время это территория Арктической Зоны РФ [Указ Президента ... , 2014]. Современные российские и зарубежные исследователи также относят территорию беломорского побережья к зоне субарктического климата [Habitat: Vernacular ... , 2017]. «Особенности климата Поморья обусловлены самим его расположением у белого моря... Большая часть южного берега – Поморского... низменная, отдельные гранитные утесы встречаются только в районе Кеми; огромные пространства заболочены или покрыты сосновыми или еловыми лесами. Группы скалистых островов (шхер) вдоль побережья хорошо защищают участки Онежского залива от штормовых северных ветров...» [Бернштам, 1978, с. 37-38].

Историко-культурный ландшафт Онежского Поморья сформировался в тесной связи с природным ландшафтом. Главную роль в этом сыграло местное население – поморы, русское население, проживающее на побережье и островах Белого и Баренцева морей [Permilovskaya, 2019]. Это субэтнос, который представляет русский вариант морской культуры в Арктике [Пермиловская,

2013]. Поморы при освоении пространства руководствовались принципами создания компактной формы поселений, возводили замкнутый тип жилища для противодействия холодному климату. Каждый регион на Русском Севере имел свои особенности развития народной деревянной архитектуры, как художественные, так и конструктивные. Для Онежского Поморья, как и для всего Севера, характерен классический вариант крестьянского жилища, не встречающийся в других районах России и значительно более совершенный в архитектурно-планировочном решении. Архитектурная форма поморского дома неотделима от среды обитания, от культурного ландшафта. В Онежском Поморье получил распространение комплекс дома-двора с приемом соединения жилья и двора «брус»: изба и хозяйственный двор здесь устроены под одной крышей. Жилая часть – пропорциональный четырехстен (реже пятистен) с 3-6 окнами по главному фасаду на среднем или высоком подклете. Кровли двускатные, в настоящее время стропильные, покрыты шифером (с 60-х гг. XX в.) или ондулином, иногда устроенные прямо поверх старого теса [Пермиловская, 2019]. Тес укладывался в два слоя, внешний обрабатывался в форме желоба или двух небольших параллельных желобков по краям тесины. Материалом для сруба служит сосна, в изобилии произрастающая на Севере и являющаяся неотъемлемой частью местного природного ландшафта. Окладной венец установлен на прочный фундамент из камней (в редких случаях – лиственничных ступей). У многих домов поветь поддерживается массивными деревянными столбами. Изба часто обшита и окрашена [Жигальцова, 2020].

Несмотря на общность природно-климатических условий и архитектурного устройства, традиционный поморский дом в культурном ландшафте Онежского Поморья имеет свою специфику в различных поселениях. В большей степени это заключается в особенностях ориентации жилища, его месте в структуре поселения, декоре. Выбор сельских исторических поселений Ворзогоры и Малошуйка для экспедиционных исследований не случаен. Они сохранили исторический природный и культурный ландшафт, что нашло отражение в планировке поселений, топонимике,

исторической памяти местного населения, комплексе преданий и легенд, связанных с их возникновением. В ходе исследования собрано и обработано 20 интервью с местными жителями, выполнено 26 обмеров, в том числе 2 схематических плана поселений и 9 планов-комплексов дома-двора.

В отличие от большинства исторических поселений побережья Белого моря, с. Ворзогоры имеет уникальную пространственную организацию. Культурный ландшафт села сформировался в специфических природных условиях: оно расположено на высоком (40 м) песчаном мысе Онежской губы и, таким образом, с трех сторон окружено морем, а на юге граничит с лесом и болотом. При заселении Севера русскими предпочтение традиционно отдавалось берегам рек, игравшим роль основных транспортных артерий края. Однако с. Ворзогоры находится на значительном удалении от них: в 15 км от устья р. Онеги и в 4 км от устья р. Нименги.

Ворзогоры основаны 400 лет назад и представляют собой тип поселения «погост с деревнями». Термин «погост» здесь означает «сельский приход, несколько деревень под общим управлением и одного прихода; волость» [Пермиловская, 2013]; отдельно стоящую на церковной земле церковь, с домами попа и причта, с кладбищем [Забелло, 1942]. В Поморье существовал особый тип поселения – погост с деревнями: на Поморском берегу – Малешуйка (Погост, д. Вачевская, д. Абрамовская), Кушерека (Погост, д. Кузьминская, д. Логиновская) [Архив АГМДЗНИ ... , 1981] и Ворзогоры (Погост, д. Кондратьевская, д. Яковлевская) (Полевые материалы автора. Усов А. А. Отчет по экспедиции в с. Ворзогоры, Онежский район, 2018).

Архитектурно-ландшафтная среда с. Ворзогоры различна в каждой из деревень, которые располагаются на расстоянии 1 км друг от друга. Так, для Яковлевской характерна уличная планировка, чему способствует равнинный ландшафт местности. Значительное влияние здесь оказал Петербургский почтовый тракт, который шел от г. Онеги по берегу моря. Он сохранился в настоящее время и является главной улицей, к которой обращены фасады изб. Для Кондратьевской, напротив, характерны незначительные перепады высот, которые способствовали более плотной, но менее организованной застройке. Крестьяне стремились расположить жилище таким образом, чтобы изба «смотрела» окнами на южную сторону. Двор и поветь при этом ориентировались на север,

к морю, выступая в роли буфера от холодного морского ветра и непогоды. Эта же функция была отведена сараям и иным хозяйственным постройкам, расположенным первым рядом от моря.

Центральное место в пространстве д. Кондратьевской занимает культовый ансамбль (называемый на Севере «тройником»), состоящий из двух многоглавых церквей: зимней – Введенской (1793 г.), летней – Никольской (1636 г.) и колокольни (1862 г.). Храмы являются главными доминантами и вертикалями в культурном ландшафте всего поселения. В соответствии с этим при возведении жилища поблизости от культового ансамбля выбор ориентации в пространстве диктуется не только природными, но и социокультурными и религиозными факторами: ворзогорские плотники ставили дома «лицом» к храмам. В сакральном пространстве северного села храм занимал центральное место, выполнял смыслообразующую роль, отражал систему духовных ценностей общества и особенности мировоззрения крестьянского мира. Однако культурный ландшафт поселения, прежде всего, образуют именно жилые постройки. Так, памятником жилой архитектуры, характеризующим с. Ворзогоры, выступает дом-двор Г. А. Гуниной из д. Яковлевской сер. XIX в. (изба перестроена в 1927 г., о чем имеется свидетельство в виде даты на одном из бревен) (Полевые материалы автора. Усов А. А. Отчет по экспедиции в с. Ворзогоры, Онежский район, 2018). Архитектурно-конструктивные особенности этого дома-двора соответствуют описанию традиционного жилища Онежского Поморья, которое было представлено выше. Особое внимание здесь следует уделить декоративно-конструктивному устройству. Так, на фронте избы в чердачном помещении располагается вышка-мезонин полукруглой формы. Торцы ее кровли защиты досками-причелинами. Подобный скромный «наряд» характерен не только для дома-двора Гуниной, но и для всех жилых построек с. Ворзогоры. В сер. XX в. дом был обшит вагонкой и выкрашен в зеленый цвет.

Вероятно, причина отсутствия декоративного убранства заключается в природных условиях, сформировавших менталитет и суровый характер поморов [Dadykina, 2017; Frigga Kruse, 2016]. Это может быть связано с различными сторонами жизни на Севере: суровыми природно-климатическими условиями Онежского Поморья, вынужденной экономией строительного материала (несмотря на обилие леса, качественная древесина была в дефиците), особыми условиями жиз-

ни поморских крестьян, которые ценили в своем жилище прежде всего функциональность (Полевые материалы автора. Усов А. А. Отчет по экспедиции в с. Ворзогоры, Онежский район, 2018).

Как указывает исследователь деревянного зодчества Р. М. Габе, «одна из характерных особенностей подлинно народного зодчества Севера заключается в том, что декоративная сторона занимает весьма скромное место. В северном доме простые до аскетизма декоративные формы являются лишь подчеркиванием конструктивных особенностей» [Габе, 1941, с. 75-76]. Это утверждение в полной мере относится и к традиционным домам Онежского Поморья. Жилая архитектура с. Ворзогоры характеризуется строгостью архитектурного облика, лаконичностью пропорций, сохраняя монументальность, защищенность от холодного климата и суровых ветров.

В 30 км северо-западнее с. Ворзогоры располагается историческое поселение Малошуйка (в настоящее время д. Абрамовская). Малошуйский приход был образован в XVII в. под названием «Шуйская монастырская волость», которая ранее принадлежала Кожеозерскому монастырю [Матонин, 2013]. Село стоит на бывшем Онего-Кемском почтовом тракте, в 5 км от побережья Онежского залива Белого моря. По сравнению с Ворзогорами, культурный ландшафт Малошуйки более типичен для Русского Севера в целом и для Онежского Поморья в частности: историческое поселение основано на двух берегах одноименной извилистой реки и вытянуто на север вдоль ее правого берега. В основном село стоит на равнине, но в нескольких местах местность холмистая, что нашло отражение в топонимике: *г. Крестовуха, г. Чуйнака, г. Калиновка* и др. Крутые склоны не застраивали, однако они играли важную роль в формировании сакрального ландшафта поселения. На них устанавливались деревянные обетные кресты, утраченные к настоящему времени (Полевые материалы автора. Усов А. А. Отчет по экспедиции в с. Малошуйка, Онежский район, 2019).

Градообразующей доминантой культурного ландшафта с. Малошуйка является культовый ансамбль-«тройник», состоящий из летней шатровой Никольской церкви (1638), зимней многоглавой Сретенской церкви (1873) и колокольни (1807). Храмы характеризуются выраженным природно-ландшафтным расположением, находятся на возвышении, хорошо просматриваются со всех сторон поселения. Благодаря этому, а также близости морского побережья они были видны морякам за

многие десятки километров и могли служить своеобразными ориентирами и маяками.

В настоящее время, с. Малошуйка состоит из 3 частей – Верховья, Заречья и Низа. В поселении преобладает 2 типа планировки: прибрежно-рядовая, характерная для домов, возведенных на самом берегу реки (прежде всего в д. Низ), и уличная, в соответствии с которой построено большинство других жилищ. По сравнению с сер. XX в., плотность застройки значительно уменьшилась. Наиболее значительные изменения связаны с пожаром 1989 г., в результате которого было утрачено 22 старинных крестьянских дома кон. XIX в. Следует отметить, что в сер. XX в. традиционный ландшафт поселения был дополнен постройками хозяйственной и инженерной народной архитектуры. В послевоенное время в селе были построены колхозный амбар-магазея, реконструирован автомобильный ряжевый мост, соединяющий д. Верховье и д. Заречье (Полевые материалы автора. Усов А. А. Отчет по экспедиции в с. Малошуйка, Онежский район, 2019). Этот факт позволяет отметить непрерывность сохранения преемственности крестьянских строительных традиций у северных мастеров.

Примером типичного жилища, гармонично вписанного в культурно-природную среду, выступает комплекс дома-двора А. Н. Кузнецова (1927) из д. Заречье, который возведен на отлогом берегу реки. Изначально на его месте располагался большой двухэтажный дом-двор (1806). Он был значительно выше и шире современной постройки. Рядом с ним в прошлом веке на самом берегу стояла баня по-черному. В архитектурно-конструктивном отношении наибольшую ценность представляет сохранившаяся часть старинного хозяйственного двора – подлинный образец гражданской архитектуры 200-летней давности. Современная изба была пристроена к старинному двору в 1927 г. Это невысокий, пропорциональный четырехстенок на среднем подклете с 3 окнами по главному фасаду. Интересен тот факт, что дед А. Н. Кузнецова – И. Д. Шайтанов (строитель дома) «*провел в ней всего одну ночь, после чего ушел в море на промысел и не вернулся*». Этот факт остался запечатлен в конструкции дома: на выступающих комелях бревен со стороны хозяйственного двора сохранились инициалы Шайтанова («ИШ») (Полевые материалы автора. Усов А. А. Отчет по экспедиции в с. Малошуйка, Онежский район, 2019).

Крестьянское жилище с. Малошуйка, как и с. Ворзогоры, не характеризуется развитым деко-

ративным убранством, «наряд» поморских домов аскетичен. Однако следует отметить, что все традиционные дома здесь имеют общую отличительную особенность. Кровля главного фасада имеет полукруглую форму и декорирована причелинами (из двух досок) с фигурной резьбой в форме треугольных и квадратных зубцов-сухариков. Здесь же расположено чердачное окно.

Таким образом, рассмотрев традиционное жилище Онежского Поморья, мы можем утверждать, что, с одной стороны, дом противостоит природной среде. Вся его суть, заключенная в архитектурно-конструктивном и планировочном устройстве, направлена на преодоление неблагоприятных климатических условий в пространстве тайги и северного моря. Но с другой – жилище вырастает из природной среды, оно вбирает в себя местные материалы (лес, камень, бересту, мох), а человек, его возводящий, старается максимально практично и гармонично вписать дом в окружающий его природный ландшафт. Народные зодчие умело выявляли лучшие качества природного ландшафта. Жилая среда северной деревни всегда естественно входила в природу, органично вписываясь в нее, включала в себя природные структуры, образуя целостный архитектурно-природный комплекс. Традиционное жилище в исторических поселениях Ворзогоры и Малошуйка производит впечатление монументальности, аскетичности, защищенности в холодном северном и субарктическом климате. Через архитектуру, конструкцию и особенности ориентации на местности крестьянские дома адаптированы к природно-климатическим условиям Севера и Арктики, формируя неповторимый культурный ландшафт Онежского Поморья.

Библиографический список

1. Архив АГМДЗНИ «Малые Корелы». Отчет Пермиловской А. Б. с. Малошуйка, Кушерека Онежского района, 1981.
2. Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства; под ред. К. В. Чистова. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1978. 173 с.
3. Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. Москва: Гос. Архитектур изд-во Академии архитектуры СССР, 1941. 215 с.
4. Жигальцова Т. В. Пространственно-планировочная структура и жилищно-хозяйственный комплекс поселений Онежского Поморья (на примере с. Ворзогоры Онежского р-на Архангельской обл.) / Т. В. Жигальцова, А. А. Усов // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 180-197.
5. Забелло С. Я. Русское деревянное зодчество / С. Я. Забелло, В. Н. Иванов, П. Н. Максимов. Москва:

Государственное архитектурное изд-во Академии архитектуры СССР, 1942. 214 с.

6. Злотникова Т. С. Диссертационный совет: социокультурная миссия и интеллектуальная парадигма / Т. С. Злотникова, Д. Ю. Густякова // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6 (111). С. 221-228.
7. Матонин В. Н. «Наше море – наше поле». Социокультурное пространство северной русской деревни: генезис, структура, семантика: монография. Архангельск: САФУ, 2013. 334 с.
8. Пермиловская А. Б. Крестьянское жилище как адаптационный механизм организации жизненного пространства / А. Б. Пермиловская, А. А. Усов // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 4 (109). С. 183-189.
9. Пермиловская А. Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург: УрО РАН; Архангельск: Правда Севера; Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. 608 с.
10. Пермиловская А. Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера»; Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 552 с.
11. Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=1&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102349446> (Дата обращения: 20.02.2020).
12. Dadykina M. Mastering the Arctic marine environment: organizational practices of Pomor hunting expeditions to Svalbard (Spitsbergen) in the eighteenth century / M. Dadykina, A. Kraikovski, J. Lajus // Acta Borealia. 2017. Vol. 34. P. 50-69.
13. Frigga Kruse. Is Svalbard a pristine ecosystem? Reconstructing 420 years of human presence in an Arctic archipelago // Polar Record. 2016. Vol. 52 (266). P. 518-534.
14. Habitat: Vernacular Architecture for a Changing Planet / Editor: Sandra Piesik. UK., London: Thames & Hudson LTD, 2017. 600 p.
15. Permilovskaya A. B. Construction Traditions and Ritual of the Northern Wooden Architecture // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta Istoriya – Tomsk State University Journal of History. 2019. Vol. 58. P. 150-158.

Reference list

1. Arhiv AGMDZNI «Malye Korely». Otchet Permillovskoj A. B. Archive of AGMDZNI «Small Korely» = Report of Permillovskaya A. B. s. Maloshujka, Kushereka Onezhskogo rajona, 1981.
2. Bernshtam T. A. Pomory. Formirovanie gruppy i sistema hozjajstva = Pomors. Group formation and farm system; pod red. K. V. Chistova. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otd-nie, 1978. 173 s.
3. Gabe R. M. Karel'skoe derevjannoe zodchestvo = Karelian wooden architecture. Moskva: Gos. Arhitektur izd-vo Akademii arhitektury SSSR, 1941. 215 s.

4. Zhigal'cova T. V. Prostranstvenno-planirovochnaja struktura i zhilishhno-hozjajstvennyj kompleks poselenij Onezhskogo Pomor'ja (na primere s. Vorzogory Onezhskogo r-na Arhangel'skoj obl.) = Spatial planning structure and housing and economic complex of settlements in Onega Pomorye (using the example of the village of Vorzogory, Onega district, Arkhangelsk region) / T. V. Zhigal'cova, A. A. Usov // *Jetnograficheskoe obozrenie*. 2020. № 1. S. 180-197.
5. Zabello S. Ja. Russkoe derevjannoe zodchestvo = Russian wooden architecture / S. Ja. Zabello, V. N. Ivanov, P. N. Maksimov. Moskva : Gosudarstvennoe arhitekturnoe izd-vo Akademii arhitektury SSSR, 1942. 214 s.
6. Zlotnikova T. S. Dissertacionnyj sovet: sociokul'turnaja missija i intellektual'naja paradigma = Dissertation Council: sociocultural mission and intellectual paradigm / T. S. Zlotnikova, D. Ju. Gustjakova // *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik*. 2019. № 6 (111). S. 221-228.
7. Matonin V. N. «Nashe more – nashe pole». Sociokul'turnoe prostranstvo severnoj russkoj derevni: genesis, struktura, semantika = «Our sea is our field.» Sociocultural space of the northern Russian village: genesis, structure, semantics : monografija. Arhangel'sk : SAFU, 2013. 334 s.
8. Permilovskaja A. B. Krest'janskoe zhilishhe kak adaptacionnyj mehanizm organizacii zhiznennogo prostranstva = Peasant housing as an adaptation mechanism for organizing living space / A. B. Permilovskaja, A. A. Usov // *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik*. 2019. № 4 (109). S. 183-189.
9. Permilovskaja A. B. Kul'turnye smysly narodnoj arhitektury Russkogo Severa = Cultural meanings of folk architecture of the Russian North. Ekaterinburg : UrO RAN ; Arhangel'sk: Pravda Severa ; Jaroslavl' : JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2013. 608 s.
10. Permilovskaja A. B. Russkij Sever kak osobaja territorija nasledija = Russian North as a special heritage territory. Arhangel'sk : OAO «IPP «Pravda Severa» ; Ekaterinburg : UrO RAN, 2010. 552 s.
11. Ukaz Prezidenta RF ot 02.05.2014 № 296 «O suhoputnyh territorijah Arktičeskoj zony Rossijskoj Federacii» = Decree of the President of the Russian Federation dated 02.05.2014 № 296 «On the Land Territories of the Arctic Zone of the Russian Federation.» URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102349446> (Data obrashhenija: 20.02.2020).
12. Dadykina M. Mastering the Arctic marine environment: organizational practices of Pomor hunting expeditions to Svalbard (Spitsbergen) in the eighteenth century / M. Dadykina, A. Kraikovski, J. Lajus // *Acta Borealia*. 2017. Vol. 34. P. 50-69.
13. Frigga Kruse. Is Svalbard a pristine ecosystem? Reconstructing 420 years of human presence in an Arctic archipelago // *Polar Record*. 2016. Vol. 52 (266). P. 518-534.
14. Habitat: Vernacular Architecture for a Changing Planet / Editor: Sandra Piesik. UK ; London: Thames & Hudson LTD, 2017. 600 p.
15. Permilovskaja A. B. Construction Traditions and Ritual of the Northern Wooden Architecture // *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta Istorija – Tomsk State University Journal of History*. 2019. Vol. 58. P. 150-158.